
Приеду в отпуск на неделю
В свой отчий дом, в старинный дом,
Где буду нежиться в постели
Со Степкой – маминым котом.

И Бунина перечитаю,
Вновь закружусь в родных местах,
И снова кое-что узнаю
О поселковых новостях.

А на пути к автовокзалу
Смахну слезу – не напоказ,
И сердце заболит устало
В который раз, в который раз...

В сумерках спряталось солнце,
Ветер в пространстве затих,
В серых кустах раздается
Птицы встревоженный крик.

Мир терпеливо и просто
Ждет окончания дня,
Как и земля на погосте,
Коей укроют меня...

Шел человек и пьяно охал –
Как голос был его раним:
«Верните мне мою эпоху,
В которой был я молодым.

Я потерял сегодня кепку,
Я лбом своим в забор влетел,
Сегодня я напился крепко,
Так, что навеки постарел».

Шел человек и пьяно охал,
Шатаясь, уходил в рассвет.
Его ушедшая эпоха
С небес ему смотрела вслед...

Мой путь был в юности неровен,
В ухабах были те года,
Наверно, был я очень скромн
Или наивен был тогда.

Я жил, порою, как в темнице,
В навек исчезнувшей стране,
И зря, наверно, звал синицу,
Когда журавль курлыкал мне.

Уже давным-давно старею
В иных – столетье и стране,
И так страдаю, так болею,
Когда журавль курлычет мне.

Откуда ветер задувает –
Из-за угла или с полей?
Как точно сердце отмечает
Приметы родины моей:

Что жив покрытый мхом скворечник,
Что мертв соседский огород,
Что кот так жадно, так беспечно
Из темной лужи воду пьет.

Что нету тополей у окон,
А без курей весь двор зарос,
И что сарайчик невысокий
От старости в землю врос.

Где ограничусь я судьбою,
В какой из недалеких дней?
Уйду и унесу с собою
Приметы родины моей...

Мы в детстве любили играть в чехарду,
Пускали воздушного змея.
От игр, что забыты стране на беду,
Мы все становились добрее.

Вот так и взрастился народец иной,
Окончилось время народа.
Сквозит сквозь пространство Отчизны родной
Пропавшая злом непогода...

Когда боль тлеет, как лампада,
Бессонной полночью в душе,
Не заглушай ее, не надо,
Она – прошедшая уже.

Однажды эту боль окликнешь,
Чуть запоздало или в срок,
И, может быть, тогда постигнешь
Ее таинственный исток...

Шумит о свободе слепая толпа,
По прежней идя траектории,
Народ наступает, а может, судьба
На вечные грабли Истории.

Затасканных лозунгов слышится визг
В иной новомодной обертке,
И Ванька-дурак вновь над бездной завис,
Но все еще держится ловко.

Он может сорваться, ведь нам ли не знать
Прошедших времен категории.
Ах, Ванька-дурак, помоги мне сломать
Живучие грабли Истории...

Я в юных годах без надежды любил –
Об этом мне надо признаться:
Доверчивым был, и застенчивым был,
Куда уж мне было влюбляться.

Теперь по-иному живу и люблю,
Учел я судьбу и ошибки:
Душою своей равнодушно ловлю
Я взгляды, слова и улыбки.

Курсантом наивным и юным
Гуляю сквозь шум площадей,
Укрывшись закатом июня,
С красивой девчонкой своей.

Я фразу сказать не умею,
Лишь взгляд ее странный ловлю.
Я с этой красоткой робею,
Ее я, признаться, люблю.

Уходит закатное солнце
И скоро упрячет свой лик,
А девушка громко смеется
От слов несурзных моих.

Смешны ей мои разговоры,
Стихи, что читаю я ей,
И, мнится, хохочет весь город
Над этой любовью моей.

Домой она хочет – я знаю,
Давно разговор наш угас.
В училище я опоздаю,
Но это неважно сейчас.

Шепчу ей с надеждой и громко,
Коснувшись плеча невзначай:
«Наверно, твоя остановка.
До встречи. А может, прощай».

Трамвай затрезвонил за угол,
Дорога рекой поплыла.
Рукой не махнула подруга.
Красотка другого нашла...

Воет пес, он, наверно, ничей,
И душа моя воет на звезды.
Ах, как много врагов и друзей
Поселилось уже на погостах.

И никто, и никто не воскрес.
Помолчи, горемыка-собака:
Срок придет, и сорвется с небес
Твой и мой огоньки Зодиака...

Зимний полдень. Холодное солнце
И холодная мутная ширь.
На сугробе сидит у оконца
Невеселый бездомный снегирь.

У него нет ни пищи, ни крова.
Бросил в форточку хлеба ему.
Снегиря он окликнул другого,
Чтоб не есть этот хлеб одному.

Ах, снегирь, ах ты, добрая птица,
Мне тебя уже век не забыть.
Нам бы всем у тебя научиться
Просто Божьими тварями быть...

Часто жил я легко и нестрого,
Оттого и к ошибкам привык,
Отчий дом променял на дорогу,
А дороги менял на тупик.

Кто же сглазил меня на ромашке,
Или сам я себе нагадал
Все бывшие лихие замашки
И похмелий тоскливый оскал?

Как промчались года – я не знаю,
Светлой жизнью их трудно назвать.
На ромашке давно не гадаю,
Да и незачем больше гадать...

На вокзале – дремотная скука,
Обстановка – тиха и чиста,
Лишь порою кричат о разлуке
Провожавшей толпе поезда.

До посадки уже недалеко,
Но дорога моя далека,
А пока коротаю я вечер,
Как утес коротает века.

Перегаром несет от соседа,
Но меня это вовсе не злит,
И молчанье, подобное бреду,
В полутемном пространстве висит...

В небесах распоясались молнии,
Ливень с градом стучит по земле,
Распоясались мухи оконные
На оконном и мутном стекле.

Сквозняки потеряли границы,
И поют, и свистят из углов,
Раздраженно скрипят половицы
От моих беспрестанных шагов.

Свои мысли и думы бессонные –
О любви, о вражде, о былом –
Отпускаю к зарницам и молниям
Сквозь оконный открытый проем...

Ангелы в небе тревожно поют,
Храмы им вторят стозвонно:
Снова сраженья в Отчизне идут,
Снова страна в обороне.

Всюду тоска и духовная глушь,
Тяга ко злату и хамству,
Серная вонь от заморских кликуш
Заполонила пространство.

Зов, кто не сдался – ни шагу назад! –
С каждым мгновением глуше,
Залпы из телеорудий слепят
Общенародную душу.

Только вот недруги все-таки врут.
Дух всенародный воскреснет:
Ангелы в небе еще пропоют
Победоносную песню.

Завершается атомный век
Заключительным актом люстрации:
Всё живое загнал человек,
В том числе и себя, в резервацию.

Как дрались миллионной гурьбой!
Как кровища веками хлестала!
Человечество в битве с собой
Человека в себе потеряла.

Когда край резанет по плечу
Стужей новой неведомой вечности,
В храм приду и поставлю свечу
Убиенной людьми человечности...

Надо ж было мне остановиться,
И зачем мне нужен этот крик:
Грязно, несуразно матерится
В центре Красной площади мужик.

Вроде гражданин одет прилично,
Но вещает он: Россия – срам.
И отмечен ненавистью личной
Он к былым и нынешним вождям.

Гражданин, зачем ты материшься?
Небу твои крики не слышны.
Что ж, кричи и, может, докричишься
Ты до подземелья сатаны.

Когда жизнь обреченно и просто
Мне подскажет мой край на земле,
Я приду попрощаться с погостом
В родовом полумертвом селе.

Задрожу от тоски и озноба,
Прошагаю полсотни шагов
Между новых и древних надгробий,
Между свежих и ветхих крестов.

Буду тихо прощаться со всеми,
Кого крепко накрыл чернозем,
До того, как обрушится темень
На высокий простор над селом.

Чуть застыну в последнем поклоне
И, шагая в дорожную тьму,
Помашу полумертвой ладонью
Родовому селу своему...

Отплясали последние листья,
Коркой льда обозначен ручей,
Снега жду и метели со свистом,
И молчания зимних ночей.

В ожиданиях жизнь пролетает,
Горизонты тревожно зовут,
Где меня в некий день отрыдают,
Где меня в некий час отпоют.

ПАМЯТИ ВИКТОРА СМИРНОВА

Находил он себя и терял,
Он стихи называл своей пищей
И с тревожной печалью желал
Возле мамы прилечь на кладбище.

И однажды навеки прилег,
Отказавшись от шума и света.
Затерялась в тумане дорог
Тень души бунтаря и поэта.

Его тайна осталась при нем
Под тоской земляного покрова,
И уже не споет о родном
Его болью пронзенное Слово.

Пронеслась, прошумела судьба
И погасла за гибельным краем.
Как его родовая изба
Без него свои дни доживает?

Он прошел сквозь жестокий огонь
Клеветы, забвения и сиротства,
Может быть, вековая гармонь
Эхом песен его отзовется.

Может быть, в неприкаянный миг
Вместе с отблеском звездного света
Отразит им любимый родник
Свет души бунтаря и поэта...

Набухшие темной водой небеса
Из туч отпускают грозу.
Встревоженных птиц не слышны голоса
В испуганном темном лесу.

Как съжились травы! Как воздух застыл!
Но ветер на поле взлетел,
Бушующим эхом далеких светил
Невидимый гром прогремел.

Ударив наотмашь, сорвется вот-вот
Из тучи дождливая биль,
У ног моих мига последнего ждет
Сухая горячая пыль.

Нет времени мне возвратиться назад.
Шагаю сквозь тьму и грозу.
И птицы вечерние робко молчат
В испуганном темном лесу...

Я стою беспризорным и лишним,
Как когда-то в далеком былом,
У весенней развесистой вишни,
Перед темным закрытым окном.

Кто сейчас здесь живет – неизвестно,
И нельзя мне здесь долго стоять.
Мне в окно постучать неуместно
И ее через годы позвать.

Лунный свет так пугает неистово!
Так же страстно поют соловьи.
И безгрешные юные листья
Шелестят мне о первой любви...

Растекаются годы мои,
Моя жизнь так стремительно тает
От предела последней любви
И до стужи последнего края.

Где какой-то один человек,
Равнодушно, а, может, страдая,
Мои веки опустит навек,
И мой ангел по мне отрыдает.

Может быть, соловей замолчит,
И кукушка с тоски засмеется,
В миг, когда моя жизнь отлетит
На лучах восходящего солнца...

ДЕМОКРАТЫ

Нагадали над Отчизной бури
В омутах столичных площадей,
А сегодня прячутся от дури
Ныне вседозволенных страстей.

Не в угоду вороватой знати
Вопрошают, веру затая:
«Ну, когда же встанешь ты с полатей,
Современный Муромец Илья?»

Уже увядшая, не резвая,
Не веря в чудо и добро,
Лежала девушка нетрезвая
У входа в станцию метро.

Со взором тусклым, без надежды,
Лежала девушка ничком,
Ее бездомная одежда
Сквозила горьким сквозняком.

Шли мимо граждане с гражданками,
Ломая гулом тишину.
Куда ж твои пропали ангелы,
Зачем оставили одну?

В столичной суете постылой
Она лежит еще живой.
Зачем ты погибаешь, милая?
Зачем погибла молодой?

Месяц – ни снега, ни стужи,
Теплая стынь в декабре.
Голуби моются в луже
На нездоровой заре.

Слякотно. Сыро. Туманно.
Влагой покрыты дома,
Словно сроднились с обманом
Этот декабрь и зима.

Странная нам непогода
Выдалась этой зимой.
Что же случилось с природой?
Что же случилось со мной?

Сначала грянула гроза,
Ударил буйный гром,
И вот упали небеса
Неистовым дождем.

Бегу посередине дня,
Поспешно, через луг,
А ливень давит на меня,
Затмив простор вокруг.

Сквозь травы, что стоят стеной,
Которые – по грудь,
Бегу, пока еще живой,
Бегу куда-нибудь...

ТОЛСТОСУМ

Он доволен сегодняшней жизнью,
Отсылает поклоны вождям,
Но в душе равнодушен к Отчизне
И к своим небогатым друзьям.

Со своей ненасытной оравой
В бронированном мире сидит.
О богатых пространствах державы:
– Это – прибыль, – себе говорит.

Босиком – да по пыльной дороге,
Да версту прошагать до пруда,
Но навеки отучены ноги
От такого простого труда.

Оттого-то и больно, и грустно,
Оттого-то мне стыдно признать,
Что утратил я это искусство –
Босоногим беспечно шагать...

В ожидании вечности зябкой,
Слабо глядя ладони мои,
Перед смертью сказала мне бабка:
«Ты упрямый. Таким и живи».

Зашагал я по жизни упрямо,
Вдоль опасного края земли:
Водевили, комедии, драмы
Мой характер дотла не сожгли.

Познавая года и пространство
От жилища до дальних огней,
Сохранил я остаток пространства,
Как и память о жизни своей.

Мы с тобой, на неделю прощаясь,
Тридцать лет проблуждали впотьмах.
Как сутулится шубка простая
На ее постаревших плечах.

А в глазах, синеву потерявших,
Тусклый отблеск бывшего огня.
Ну, зачем, красоту растерявши,
Ты сейчас повстречала меня?

Бессоннице долгой назло,
Когда же беда эта кончится,
Я сдуру пойду за село
Гулять по березовой рощице.

Листва зелена и жива,
Но тоже страдает бессонницей,
Не зря прошумела молва,
Что осень на царствие просится.

Я жить, как и листья, хочу,
Как в марте сугроб оседающий!
И гладит меня по плечу
Ночной ветерок понимающе...

Куда не глянешь – зло и скотство,
В ответ, коль спросишь: «...твою мать!»,
Георгия Победоносца
Неужто снова зазывать?

Но нет ни радости, ни воли,
Душа народа все слабей,
Сгорают города и села
В огне драконовских страстей.

Наверно, оттого так бойко
Во весь свой гибельный размах
Несется гоголевской тройкой
Россия-матушка во мрак...

От душевной невиданной боли
Мне не спится в квартирной глуши.
Эх, насытиться водкой бы, что ли,
За помин отлетевшей души.

Я забыться уже не сумею,
Но, хотя, словно псина, скулю,
Лучше трезвостью переболею,
Лучше боль до рассвета стерплю...

Как ветер взвился потревожено,
Разворошив застывший день!
На пыль густую придорожную
Упала облачная тень.

Теней возникла угловатость,
И сразу стало холодней,
Исчезла солнечная радость
На ликах неба и полей.

И я согнал с лица веселье,
И так тревожно оттого,
Что ощущаю, как с похмелья,
Всю тяжесть сердца своего.

Дьявол, что ли, так криво ведет
Или тайный заклятый вражина?
На обочину съехал народ
С бездорожья в тугую трясиину.

И застряли – ни взад, ни вперед,
Даже те, кто сильнее и моложе.
Надорвал свои жилы народ,
Чтобы вырваться на бездорожье.

Только бодро шумит телекнязь:
«Подождите в потоке столетий.
Пылью станет тяжелая грязь,
Если солнце пожарче засветит!».